

УДК 81.42

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

Научная статья

МИФОЛОГИЯ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ)

Гудков Дмитрий Борисович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена особенностям национальной мифологии, находящей отражение в коммуникации русского политического дискурса. Основное внимание уделено актуализации мифологических представлений в неологизмах, обозначающих политические реалии современной России. Рассматриваются способы словообразования представленных лексем, особенности их семантики и функционирования. Особое внимание уделено приемам языковой игры, используемым при создании данных единиц.

Ключевые слова: миф, мифологическое сознание, политический дискурс, неологизм, способ словообразования, языковая игра

Введение

«Борьба за номинации оказывается борьбой за фундаментальные групповые ценности», – писал Ю.А. Сорокин, один из пионеров исследования лингвистической составляющей политического дискурса в России [Сорокин 1997: 5]. Данная статья посвящена именно новым номинациям отечественного политического дискурса, в полной мере раскрывающим агональность и непримиримость господствующих в нем коммуникативных практик.

Термин «политический дискурс» нуждается в толковании, что обусловлено различием подходов как к пониманию дискурса, так и к тому, что относится к сфере «политика» и «политическое». Не имея возможности хотя бы кратко остановиться на классификации существующих точек зрения по указанным вопросам, постараемся коротко обозначить свое понимание данных терминов.

Под дискурсом мы будем понимать (по М. Фуко, см. [Фуко 1996: 24]) условия производства и восприятия высказываний, существующие в обществе устойчивые практики речевого взаимодействия, соответственно, политическим дискурсом мы называем массив текстов «о политике» в их функционировании в социальном пространстве, т.е. условия порождения и понимания-интерпретации данных текстов, сближаясь в этом понимании с Е.И. Шейгал: «Политический дискурс – любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004: 121].

Политика, по определению В.И. Ленина (а его мнение в данном вопросе можно считать вполне авторитетным) – это «устройство государственной власти, (...) участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства» [Ленин 1960–1981: 339–340]. Таким образом, ключевой

проблемой политики, по мнению не только процитированного выше автора, но и всех, кто касался этого вопроса (от Платона, Макиавелли, до современных политологов), является проблема власти, при этом совершенно очевидно: если есть власть, то есть и те, кто подчиняются этой власти.

Мы согласны с тем, что «семиотическая методология позволяет представить политическую власть как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата – населения данной страны в целом, его отдельных групп и граждан. Это «субъект-объектное» взаимодействие, осуществляемое посредством определенных знаковых систем, совокупностей символов и смыслов, представляющих собою язык данного общения» [Рахимов, Хабибулин: 52].

Если рассматривать политический процесс как коммуникацию, то могут быть выделены следующие типы коммуникативных отношений: «власть – власть» (встречи глав государств, договоры лидеров партий и т.п.; субъект – субъектные отношения), «власть – подчиненные» (указы, постановления, обращения к народу и др.; власть при этом выступает как субъект, а подчиненные – как объект); «подчиненные – подчиненные» (выступления и отклики на них в различных сегментах интернета, дискуссии в тех или иных политических клубах, бытовые споры о политике и т.д.; субъект – субъектные отношения). Теоретически возможен и еще один вариант: «подчиненные – власть», при котором инициатором коммуникативного взаимодействия, адресантом сообщения выступают именно подчиненные, а власть вынуждена играть роль адресата. Для России такой тип коммуникации традиционно реализуется почти исключительно в виде бунта. Другие формы последнего типа коммуникации в русском политическом дискурсе могут считаться маргинальными. Именно последние два типа коммуникативного взаимодействия мы называем «низовой» составляющей политического дискурса.

До настоящего времени основное внимание исследователей уделялось почти исключительно «дискурсу власти», т.е. тем или иным аспектам (жанровым, семиотическим, лингвистическим и др.) двух первых типов политического коммуникативного взаимодействия. При этом мы считаем не менее значимым его низовой компонент, который отнюдь не всегда является лишь пассивным реципиентом производимых властью значений, но весьма активно (как мы постараемся показать), генерирует собственные смыслы и способы их вербальной реализации. Политический дискурс не только дискурс политиков, т.е. людей, профессионально занимающихся политикой. Комментарий или реплика в Интернете, сделанный собственными руками транспарант, наклейка на стекле автомобиля и т.д. – все это многочисленные и мало исследованные политические тексты.

Мифология и идеология

Давно уже стало общим местом утверждение об агональности политического дискурса, выступающего как поле борьбы различных субдискурсов, которые борются за право на навязывание большинству собственных значений. Каждый из них основывается на определенной идеологии. При этом последняя нераздельно связана с мифологией (системой мифов). Коротко остановимся на этом.

В наивном, обыденном сознании под мифом подразумевается небылица, именно это понимание и отражается в подавляющем большинстве употреблений соответствующего слова в различных русских дискурсах сегодня. Мифу оказывается противопоставлено некое истинное знание, а сам миф является достоянием «темного», «неразвитого», «непросветленного» сознания. Однако есть и иная точка зрения. «Миф не есть нечто давно отжившее, некая выдумка, но представляет собой «логически, т.е. прежде всего диалектически необходимую категорию сознания и бытия вообще» [Лосев [http](#)]. «Миф может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но он не может исчезнуть окончательно» [Элиаде [http](#)]. Можно вспомнить большое количество работ по современной политической мифологии, исследование мифологической структуры таких идеологических систем, как коммунизм, фашизм и национал-социализм (напр.: Э. Кассирер, Э. Фромм, Б.П. Вышеславцев, С. Московичи) и т.д.

Обратим внимание на существеннейшее свойство мифа, при отсутствии которого в том или ином сообщении бессмысленно говорить о нем как о мифе. Э. Лич: «Специфика мифа в том, что он является божественной истиной для тех, кто верит, и волшебной сказкой для неверующих» (цит. по [Флад 2004: 31]). Проблема в том, что говорить о мифе именно как о мифе можно только в том случае, если в него верят. Чтобы миф был действительно мифом, необходимо рассматривать его «не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого мифа; (...) миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимальная интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность» [Лосев [http](#)]. Скажем, загробная жизнь для верующего человека не фикция, не абстракция, а живо переживаемая реальность, понятие кармы для человека индуистской культуры не подвергается сомнению и определяет его конкретные поступки; для человека, любящего Родину, последняя не является исключительно географическим термином, некоей территорией, а разговоры о ее особом предназначении – выдумками, он ощущает магическую связь с родной землей, болезненно переживает разлуку с ней (ср. литературу русской эмиграции, в примитивизированном виде – переживания футбольных болельщиков, олицетворяющих себя с группой спортсменов, которые, в свою очередь, не просто гоняют кожаную сферу, но защищают страну как таковую); космополит, верящий в универсальные общечеловеческие ценности, тоже остро переживает эти ценности и т.д. и т.п. Итак, без веры, без конкретного личностного переживания миф мертв, это уже не миф, как мумия не человек.

В данной работе мы будем рассматривать миф следующим образом: миф – не подвергаемая рефлексии высшая истина, лично и конкретно переживаемая индивидом, объясняющая ему мир и задающая модели поведения в этом мире, она почти непроницаема для эмпирического опыта и «чистой» логики, при этом миф обладает собственной логикой. Мифологическое сознание является отнюдь не только достоянием традиционного общества, давно ушедших веков, оно активно представлено и сегодня.

Идеология, как следует из внутренней формы этого слова, представляет собой некую систему идей, опирающуюся на некоторый теоретический фундамент и (добавим от себя) претендующая на научность и логическую непротиворечивость.

При этом «в исторически сложившемся арсенале идеологии находится вся совокупность мифических образов. Этот как бы вневременный арсенал средств мифического мышления может соответствующим образом активизироваться в зависимости от обстоятельств и социальных условий» [Автономова 1998: 195]. Не откажем себе в удовольствии привести яркую цитату из А.Ф. Лосева: «С точки зрения коммунистической мифологии, не только «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма» (...), но при этом «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает зубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы» и т.д. Тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклем», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рысофорные скулодробители»... Кроме того, везде тут «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов», и в этой тьме – «красная заря мирового пожара», «красное знамя восстаний»... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии» [Лосев [http](http://)].

Миф выступает как высшая форма системности, доступной обыденному сознанию <...>; обыденное сознание заимствует из мифа некоторые <...> формы объяснения действительности и одновременно те или иные программы деятельности, предписания к поведению» [Автономова 1988: 177–178]. При этом, по А. Грамши, «массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру» [Грамши 59: 28]; философия в данном случае максимально сближается с идеологией как системой идей, являющейся фундаментом любой политической коммуникации, согласно Ю.А. Сорокину, считавшему, что «политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса» [Сорокин 1997: 4]. Идеология же, если и не заменяется полностью, то существенно дополняется мифами, сохраняющими все свои имманентные свойства.

Среди последних выделим следующие:

- бинарность оппозиций (можно быть или святым, или демоном, героем или предателем и трусом, какая-либо градуальность исключается);
- синкретизм (для нас значимо, что в представителе «тьмы» не может быть ничего светлого или хотя бы не совсем темного, что-либо (та или иная идея, явление, действие и т.д.) или безоговорочно принимается, или полностью и решительно отвергается;
- непроницаемость для эмпирического опыта и других мифологических систем;
- интенсивность личностного переживания, рождающая высшую экспрессивность и аксиологичность.

Неологизмы русского политического дискурса

Мы полагаем, что все, сказанное выше, находит свое яркое воплощение в словообразовательном творчестве в таком низовом жанре русского политического дискурса, как интернет-комментарий. Последний сам по себе заслуживает отдельного разговора (его жанровая специфика, типы, вербальные маркеры, коммуникативные особенности и др.), которого мы позволим себе в настоящей работе избежать, остановившись лишь на присутствующих в нем неологизмах.

При отборе материала мы рассматривали различные ресурсы мировой сети: форумы, блоги, чаты и др., не обращая при этом к официальным сайтам партий

и отдельных политиков¹. К неологизмам мы относили вербальные единицы, употребленные не менее пяти раз в разных текстах различными авторами, единичные употребления нами не анализировались и рассматривались как окказионализмы (при всей условности границы между окказионализмом и неологизмом). Вряд ли многим словам, вошедшим в наш список, уготована долгая жизнь – они создавались на злобу дня и, можно предположить, что по мере удаления от тех событий, которые явились причиной их рождения, с изменением политической повестки будут выходить из употребления. Но при всем этом данные единицы являют собой, на наш взгляд, весьма интересный феномен, заслуживающий внимания.

Пытаясь в самом общем виде классифицировать собранные нами неологизмы, отметим доминирование имен, нам встретились только 3 глагола: *подхрюкивать*, *(по-)едросить* и *майданить*, причем лишь первый выступает в качестве производящего в словообразовательном гнезде (*подхрюкивание*, *подхрюкиватели*):

Подхрюкивали все президенты независимой и на Запад, и на Восток, но после событий 2014 года, подхрюкивание раздавалось уже только в сторону Запада. Зато какое это было подхрюкивание! *На всех уровнях!* (<https://news-front.info/2019/06/25/dmitrij-borisenko/>). Запад прессует нас санкциями, чтоб разбалансировать экономику, вывести народ на улицы и скинуть власть. Это всем понятно. Как назвать тех, кто помогает ему в этом? Не «подхрюкиватели», нет? (<https://www.politforums.net/internal/1550746797.html>). Это наше обманутое поколение. Лет через 5-7 поймут, что ими воспользовались, **поедросили** и бросили (ru.pokerstrategy.com/Россия/thread.php). Поскольку в Москве нелюдь снова пытается майданить, *самое время перечитать старенький айпад с разогнанного гей-парада и перепостить кое-какие мои старые посты с метками «майданы», «антиоранжевое сопротивление» и пр.* (<https://sandra-nika.livejournal.com/2269869.html>).

Если говорить о семантических группах неологизмов, то первое место занимает уничижительное обозначение приверженцев той или иной идеологии, тех или иных политических воззрений (*бандерлядь*, *едрос(-)ы*, *кремлеботы*, *кремлядь*, *либераст(-)ы*, *майдаун* (*майданутый*), *навальнятина*, *патриотня*, *поцреот*, *православнутый*, *путиноид*, *толераст*):

Если бандерляди взаправду думают, что перевес в их сторону – это хорошо. Саакашвили тоже был о-очень уверен в своей победе над Южной Осетией и Абхазией... Давайте, укрофашистня, подходи ближе, не стесняйся (<http://antifashist.com>). Вопрос: Почему слово «**едрос**» как обозначение члена партии Единая Россия быстро вошло в народный обиход как оскорбительное... (otvet.mail.ru Открытые вопросы>78065506). Кремлеботы отстаивают точку зрения Кремля, Единой России и прочих жуликов и воров, а навальновские – госдеповскую, навальновскую, прозападную (<https://teenslang.su/content>). **Кремляди** – новая порода людей в России! С ударением на букву «я» это слово очень емко характеризует категорию людей, лицемерящих в угоду Кремля (mercedesgclass.com/gclass/кремлядь/). Рассказ о себе начинаю с литературной

¹ Учитывая некоторые экстралингвистические факторы, мы не включаем в наш обзор примеры с однозначно обценной лексикой. Отдельного разговора заслуживает орфография и пунктуация отечественных пользователей сети Интернет, но этот вопрос мы даже не станем поднимать, заметив, что старались исправить наиболее грубые ошибки, сохраняя при этом стилистику.

отповеди записным борцам с «конспирологией» – как правило, это отпетые **либерасты**, склочность которых сравнится только с их невежеством (voprosik.net>liberasty-i-gossiya/). Давайте вспомним, чем укропский майдаун отличается от российского? Спрашивали – отвечаем: **и укропский, и российский майдауны есть запредельные мрази, но укропский майдаун, в отличие от российского, есть патриот укропии** (<https://sandra-nika.livejournal.com/2269869.html>). Все знают, что быть нацистом плохо. Но некоторые остаются нацистами, невзирая на это. Майданутые знают, что продали и предали свою страну. Майданутые знают, что они преступники. Майданутые знают, что их обманывают. Но они рады обманываться, и они поддерживают преступления «своих» (<https://dosie.su/obshestvo/25638.html>). *Рассказать об этой битве молодому поколению, которое предательская **навальнятина** тащит на площади поджигать майдан и ломать страну. Рассказать о том, как в 1943-м их ровесники сражались за великую Советскую Родину, как громили фашистов* (<http://www.kprfspb.ru/17348.html>). *Понимаю, что значительная часть нищего белорусского населения – тухлая **патриотня**, в Орде ей будет комфортнее умирать. Но все же исторический выбор зависит не от совкового старичья с угасающим сознанием* (<https://colonelcassad.livejournal.com/6076025.html>). У **поцреота** в мозге живёт парадокс, вынуждая одновременно любить Россию и русский народ и презирать этот самый народ, считая его быдлом, которым можно править только с помощью сильной руки (<https://otvet.mail.ru/question/77019779>). Задолбали православнудые. *Не путать с православными: они ищут Бога, а православнудые – дьявола. Если первые пытаются спастись сами, то последние начинают спасать окружающих, причём им по барабану, хотят этого «спасения» окружающие или нет* (http://www.znatnado.ru/-kolonki_page_2096). Чем отличается зомбо-путиноид от нормального думающего человека? Тем, что у путиноида история России начинается с 91 года и заканчивается концом правления Путина! Думающий же человек чтит своих предков начиная от славянских племён и гордится своей страной во все времена, начиная от княжеской России до СССР! (<https://ok.ru/pavelgrudi/topic/69468078101972>). **Единственное, чего не может стерпеть толераст, – это любого нетерпения к кому-либо.** Этот постулат прочно вошёл в обиход современного светского общества и стал его нормой. А общество, ослеплённое демократическими стремлениями, топчет насмерть любого, кто только встанет у него на пути – на его толерантном пути (<http://krasvremya.ru/tolerantnost>).

Среди неологизмов присутствует значительное количество этнонимов, вернее, форм, указывающих на национальную принадлежность лица (группы лиц), при этом максимально пейоративных, уничижительных (*мелкобриты, наглосаксы, хохлопы, хохлопитеки, пиндосы, поленья*). Зачастую эти единицы используются для указания не столько на этничность, сколько на приверженность определенным политическим и идеологическим воззрениям:

*Сколько **мелкобриты** пакостей нам сделали. Начиная с Крымской войны* (ok.ru>antimaydannod/topic/154338713405440). «Русские считают украинцев младшими, убогими, но все-таки братьями. А «наглосаксы» считают украинцев биомусором», - уверена украинская правозащитница Татьяна Монтян (<https://fishki.net/anti/2216064>). *Убогим тупым **пиндосам** хочется, чтобы весь мир у них в шестёрках ходил, и купался в том же самом **пиндосском** дерьме* (<https://maxpark.com/community/8218/content/7378253>). *К вам, поляки, это относится в первую очередь. Четыре раздела*

были? И? Ждете пятого. Тупые **поленья** не знают, что мир противоречив. Свою позицию - «давайте их побьём, но только все вместе (но мы лучшие поруководим)» они считают **праведной**. Она им не раз «помогала» (<http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/386002>). Не будет никакого вторжения, никто не будет вторгаться на помойку, которую потом, при постоянных плевках в спину и подлянках, устраиваемых хохлопами, **придётся содержать**. Нет уж, пусть хохлопы дохнут под Западным владычеством (<https://politikus.ru/articles/politics/83329.html>). Граждане Украины, которые верят своим властям, тому бреду, что несет олигархическая власть – это реальные **хохлопитеки-идиоты без мозгов** (<https://rex711.livejournal.com/1392300.html>).

Следует обратить внимание на такую характерную особенность, как использование малопродуктивных в «нормальной» речи словообразовательных средств, к примеру, за счет расширения зоны действия моделей, имеющих жесткие семантические ограничения. Ярким примером подобного является использование в качестве словообразовательного средства морфемы -атин- (навльнятина, соросятина, чубайсятина):

*Посмотрел сейчас Незнайку на Луне. Как этот мульт еще не запретили, или запретили уже? Это же какая-то **навальнятина** с призывом к свержению действующей власти*(<http://waroffline.org/index.php?showtopic=185&st=0&>). *«Я далеко от политики, бизнесов не имею и говорю, что хочу. Наш премьер и вся **соросятина** просто переключаются на Россию свою вину за поражение в Карабахе», - заявил армянский телепродюсер Армен Григорян* (<https://www.politnavigator.net/armyanskijj-teleprodyuser.html>). *Крупный российский бизнес, порождённый «гайдаро-чубайсятиной» – это энергичная и преступная мразь, лишенная моральных основ, которая в сумерках перестройки торопливо, как мародер, обобрала убитую Родину* (<https://zen.yandex.ru/media/id/601ed980f2a56f0eaa36517f>).

Другим примером является использование суффикса -н' - (либерастня, патриотня, фашистня):

*Вы, **либерастня**, отдадите и Крым, и Курилы с Калининградом. Ваши вожди об этом прямо говорят. Так что на хрен вас, майдуновпятиколонных*(<http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/316333>). *Еще совсем недавно вся пригожинская **патриотня** визжала - Сенцов будет сидеть. А эти? Другие? Что, тоже будут сидеть, пока Сенцов двадцать лет не отсидит?* (<https://sajonik.livejournal.com/3025457.html>). *Жительницы Харькова возмущены тем, что по городу ездят вооруженные боевики нацгвардии и карательных батальонов. Женщины начали кричать и обзывать их нецензурными словами и «чертовой **фашистней**»* (<https://rusvesna.su/news/1412538647>).

Для презрительной номинации активно используются единицы с квазиморфемой-лядь-, отсылающей к семантике соответствующей обсценной лексемы (бандерлядь, кремлядь, хохлядь):

*Куда к вам? В вашу хохлопомойку? Твой подхрюкивающий хозяевам из госдепа «пяточок», **бандерлядь**, выдаёт тебя до самого кончика хвоста* (<https://russia.ru.net/LisaPatrikeevna>). **Кремляди** – новая порода людей в России! С ударением на букву «я» это слово очень емко характеризует категорию людей, лицемерящих в угоду Кремля (mercedesgclass.com/gclass/кремлядь/). *Национально свидомая **хохлядь** сегодня*

напала на дверь Сбербанка в Киеве. Или это дверь напала на хохлядь? Нифига не понятно, потому что у «патриотов» как обычно все через задницу (<https://labuda.blog/22900.html>).

Обратимся теперь к замечаниям по поводу приведенного глоссария. Некоторые из них лежат на поверхности. Так, очередной раз наглядно иллюстрируется агональность политического дискурса и повышенная конфликтность Интернет-коммуникации. Подавляющее большинство приведенных номинаций представляют собой ярко выраженные пейоративы. Безусловна и ориентация на создание комического эффекта, прежде всего, сатирического, саркастического, направленного на дискредитацию, вербальное «уничтожение» того объекта, на который указывает языковой знак. Многие из них являют собой откровенный отсыл к обценной лексике (кремлядь, православнудый, белогандонник, либераст, пропагандон, толераст).

При создании данных лексем наглядно проявляется поэтическая функция языка, установка на «творчество». Появление нового знака, безусловно, усложняет код (в нашем случае – русский язык), что, согласно принципу языковых антиномий, подробно описанному М.В. Пановым (см. [Панов 2007]), сокращает «текст», но при этом затрудняет восприятие сообщения реципиентом. Однако это затруднение компенсируется тем «удовольствием», которое получает адресат высказывания от разгадывания предложенной «загадки», а ведь получение удовольствия игроками и есть главная цель любой игры. Загадка в данном случае легко разгадывается, что создает эффект «интеллектуальной победы», привлекает внимание и способствует установлению контакта с «говорящим».

Любопытно, что пользователи рассматриваемыми знаками активно реализуют метаязыковую функцию, давая собственную семантизацию используемых неологизмов, ср.: Быдлосование – это когда быдло сует в урну заполненные как под копирку бумажки; Человек, порабощённый этим толерантным настроем, называется на сетевом сленге – **толерастом** и т.п.

Следует подчеркнуть, что комический эффект создается благодаря тому, что, с одной стороны, оказывается нарушена языковая норма, привычный узус вербальных единиц, но при этом задействуются те словообразовательные механизмы, которые предоставляет система языка.

При этом имеет смысл обратить внимание на одну особенность некоторых из данных неологизмов. Они выступают как своеобразный мини-текст, являя собой особый тип знака, совмещающий в себе номинацию и предикацию, слово представляет собой даже не словосочетание, а свернутое предложение, наиболее яркие примеры: кремлядь, быдлосование. Подобный прием можно наблюдать при языковой игре с именами собственными, которые нами в этой работе сознательно не рассматривались, ср., например: Путлер, Воровальный.

Заметим также специфический способ образования подобных вербальных единиц. В данном случае мы имеем дело не со сложением основ, как это происходит при конструировании неологизмов, скажем, в спортивном дискурсе (ср., например: лыжегоночный, медалеемкий, евролижный и др.), но с усечением одной или даже обеих основ тех слов, из которых «складывается» неологизм: либераст, толераст, бандерлядь, быдлосование. При этом в семантике данных единиц совмещаются и тесно переплетаются значения исходных слов. Вероятно, именно это является основой той

семантической неопределенности, которая характерна для этих вербальных единиц и которая дает возможность аксиологическим и коннотативным аспектам их значения превалировать над денотативными.

Выводы

В приведенных примерах употребления неологизмов русского политического дискурса наглядно проявляется характерная для него карнавальность в уже традиционном понимании М.М. Бахтина (ср.: «В низ, наизнанку, наоборот, шиворот-навыворот – таково движение, проникающее все эти формы. Все они сбрасывают в низ, переворачивают, ставят на голову, переносят верх на место низа, зад на место переда, как в прямом пространственном, так и в метафорическом смысле» [Бахтин [http](http://)]). Игра, в данном случае игра с означающими, оказывается самоценной и самодостаточной. При этом в значительном количестве примеров легко увидеть обращение к «низу», как телесному, так и языковому (имеется в виду апелляция к языковому материалу, находящемуся за пределами литературной нормы). Впрочем, в этом пользователи Интернета следуют в русле той тенденции, которая была задана первым лицом государства, призвавшим мочить террористов в сортирах, не лепить горбатого и осуждавшим чиновников за то, что они с дуба рухнули.

Номинативные особенности рассматриваемых единиц и их функционирование в коммуникации наглядно свидетельствуют, что данные неологизмы однозначно принадлежат мифологическому сознанию и отражают борьбу различных мифов в рамках русского политического дискурса. Каждая из этих лексем исключает какую-либо градуальность оценки, объект номинации целиком «уничтожается» подобным именованием, исключается из числа явлений, достойных обсуждения, само оно максимально аксиологично и экспрессивно до страстности. При этом какие-либо аргументы против заявленной точки зрения не могут восприниматься, т.к. изначально принадлежат еретикам. Разве можно вступать в дискуссию с православной патриоткой? Стоит ли слушать аргументы майданутой бандерляди?

Картина совершенно закономерная и характерная отнюдь не только для «низовой» коммуникации в политическом дискурсе.

© Гудков Д.Б., 2021

Литература

- Автономова Н.С.* Разум. Рассудок. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (дата обращения: 11.05.2021).
- Грамини А.* Избр. произв. в 3-х т.: пер. с итал. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957–59. Т. 3. 561 с.
- Ленин В.И.* ПСС. М., 1960–1981. Т. 23.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Электронный ресурс. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa/> (дата обращения: 14.05.2021).
- Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. М.: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.

Рахимов Р.А., Хабибуллин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 52–59.

Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. (Россия, Москва, 30 марта 1997 г.). М.: НИОПИК, 1997. С. 57–62.

Флад К. Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 416 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (дата обращения: 11.05.2021).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.06.2021

Дата принятия к печати: 20.06.2021

Сведения об авторе:

Гудков Дмитрий Борисович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2505-7375>

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Для цитирования:

Гудков Д.Б. Мифология русского политического дискурса (на примере неологизмов) // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 118–129, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

UDC 81.42

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129

Research article

MYTHOLOGY OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE
(A CASE STUDY OF NEOLOGISMS)

Dmitry B. Gudkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of national mythology reflected in the communication of Russian political discourse. The main attention is paid to the actualization of the mythological representations in neologisms denoting the political realities of modern Russia. The methods of word formation of the presented lexemes, the features of their

semantics and functioning are considered. Special attention is paid to the language game techniques used when creating these units.

Keywords: myth, mythological consciousness, political discourse, neologism, method of word formation, language game

References

Avtonomova, N.S. (1988) *Razum. Rassudok. Ratsional'nost'* [Mind. Reason. Rationality]. Moscow, Nauka publ. 287 p. (in Russian)

Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (Accessed 11th May 2021). (in Russian)

Gramsci, A. *Izbrannye proizvedeniya v 3-kh tomakh* [Selected works in 3 volumes]. Translated from Italian. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957–59. Vol. 3 (in Russian)

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Moscow, 1960–1981. Vol. 23 (in Russian)

Losev, A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa/> (Accessed 14th May 2021). (in Russian)

Panov, M.V. (2007) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Works on General Linguistics and the Russian language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 848 p. (in Russian)

Rakhimov, R.A., Khabibulin, A.G. (2000) *Politicheskaya vlast' i pravo: problemy semioticheskogo analiza* [Political power and law: problems of semiotic analysis]. *Pravovedenie*. (9). 52–59. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1997) *Politicheskii diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya* [Political discourse: an attempt to interpret the concept]. In: *Politicheskii diskurs v Rossii. Materialy rabocheho soveshchaniya* [Political discourse in Russia. Materials of the workshop]. (Russia, Moscow, 30th March 1997). Moscow, NIOPIK publ., pp. 57–62. (in Russian)

Flood, Ch.G. (2002) *Politicheskii mif* [Political myth]. Translated from English (2004). Moscow, Progress-Traditsiya. 264 p. (in Russian)

Foucault, M. (1969) *Arkheologiya znaniya* [The archaeology of knowledge]. Translated from French (1996). Kiev, Nika-Tsentr. 416 p. (in Russian)

Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnosis publ., 2004. 328 p. (in Russian)

Eliade, M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (Accessed 14th May 2021). (in Russian)

© Gudkov D.B., 2021

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 20.06.2021

Bionotes:

Dmitry B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2505-7375>

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

For citation:

Gudkov, D.B. (2021) Mythology of Russian Political Discourse (A Case Study of Neologisms). *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 118–129. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129 (in Russian)